

Яшин Анатолий Николаевич

ИДЕЯ ПРАВДЫ В РУССКОМ ПРАВОСУДИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XI-XVI ВЕКОВ

Автором рассматривается в религиозно-философском контексте с историко-философской позиции идея Правды как смыслообразующая идея в русском средневековом правосудии, нравственный идеал и духовная потребность, отражающие теоцентризм и этикоцентризм русской правовой культуры. Правда в русском правосознании, по утверждению автора, - это не поиск истины в гносеологическом ее понимании, а наивысшее метафизическое начало, высшее благо, наполненное божественным содержанием, общественный идеал, сподвигнувший развитие русской философской мысли в период XI-XVI веков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-1/61.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 1. С. 213-216. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

варианта – с перцем халапеньо [3, р. 79]. К началу 90-х гг. практически каждый американский город имел ресторан с японской кухней, бум на которую совпал с интересом к «здоровой пище» в противовес фастфуду. По факту же, большинство таких заведений принадлежало не японцам, а китайцам, использующим лейбл «японская кухня» для повышения продаж. Это, конечно, оказывало влияние на саму кухню, создавая в итоге новый, японо-китайско-американский продукт, весьма далекий от стандартов любой из этих кухонь.

Суммируя вышесказанное, стоит отметить, что, несмотря на то, что США уже достаточно долгое время контактируют с азиатами, последние до сих пор воспринимаются как Чужие, и это касается даже собственно американцев азиатского происхождения. События XX в. показали, что в случае военных действий именно это население попадает под удар как недостаточно «свое». Анализ кинематографа же отражает лишь незначительные подвижки в восприятии азиата, который до сих пор ассоциируется с боевыми искусствами и ниндзя, а иные поведенческие паттерны проявляются достаточно редко.

Список литературы

1. Якушенков С. Н., Якушенкова О. С., Романова А. П. «Гляжусь в тебя, как в зеркало, до головокружения», или Протообразы тела Чужого в российском дискурсе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 1 (26). С. 189-195.
2. Chan J. Chinese American Masculinities: from Fu Manchu to Bruce Lee. N. Y.: Routledge, 2001. 196 p.
3. Farrer J. The Globalization of Asian Cuisines: Transnational Networks and Culinary Contact Zones. N. Y.: Palgrave and Macmillan, 2015. 239 p.
4. Kim H. Distinguished Asian Americans: a biographical dictionary. L.: Greenwood, 1999. 430 p.
5. LeMay M., Barkan E. R. U. S. Immigration and Naturalization Laws and Issues: A Documentary History. Westport: Greenwood Press, 1999. 336 p.
6. Okihiro G. Y. Encyclopedia of Japanese American Internment. Santa Barbara: Greenwood, 2013. 342 p.
7. Online Dating: Does Ethnicity Matter? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.firstmet.com/dating-blog/online-dating-ethnicity-racial-preference-interracial-dating-ayi/> (дата обращения: 25.09.2016).
8. Song Y. Encyclopedia of Chinese-American Relations. L.: McFarland & Company, 2009. 367 p.
9. Sun W. Minority Invisibility: An Asian American Experience. Lanham: University Press of America, 2007. 87 p.

THE ASIAN LIKE A STRANGER: SOME CASES OF AMERICAN HISTORY

Yakushenkova Olesya Sergeevna, Ph. D. in Philosophy
Astrakhan State University
jestershadow@mail.ru

This article analyzes the image of an Asian in the USA mass culture, as well as historical facts that contributed to its formation. By the example of various evidential materials demonstrating stereotypes fixed in mass consciousness the author shows that not only Asians but also Asian Americans are often perceived as strangers. The analysis of cinematograph helped to trace the dynamics of the image during the XX century and highlight the most typical Asian's features in the USA mass culture.

Key words and phrases: The Strange; The Other; The USA; cinematograph; alimentary culture; sexuality; the Asian; intercultural communication.

УДК 1(091)

Философские науки

Автором рассматривается в религиозно-философском контексте с историко-философской позиции идея Правды как смыслообразующая идея в русском средневековом правосудии, нравственный идеал и духовная потребность, отражающие теоцентризм и этикоцентризм русской правовой культуры. Правда в русском правосознании, по утверждению автора, – это не поиск истины в гносеологическом ее понимании, а наивысшее метафизическое начало, высшее благо, наполненное божественным содержанием, общественный идеал, сподвигнувший развитие русской философской мысли в период XI-XVI веков.

Ключевые слова и фразы: правда; истина; духовность; благодать; государство; закон; право; правосудие; наказание; добро; справедливость.

Яшин Анатолий Николаевич, к. филос. н., доцент
Мурманская академия экономики и управления
yashin58@mail.ru

ИДЕЯ ПРАВДЫ В РУССКОМ ПРАВОСУДИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XI-XVI ВЕКОВ

В период X-XI веков на почве славянской мифологии и православия формируются особенности русской правовой культуры, в которой зарождается идея Правды в контексте религиозного мировоззрения.

У русских племен дохристианского периода словом «закон» обозначались определенные нормы-регуляторы отношений сторон, в том числе, например, регулирующие договоры Руси с Византией. С принятием христианства закон все более наполняется нравственно-этическим содержанием, последствием чего становится вытеснение его в обыденно-повседневной лексике XI-XVI веков термином «правда». Как справедливо заметил профессор В. Н. Синюков, «ценность права в русском правосознании не в обеспечении формальной законности, а в достижении ею тождества с глубинным образом собственного жизнепонимания. Поэтому массовое правосознание в России может легко отказаться от правовой формы, если она перестает быть формой именно его жизненного уклада» [15, с. 217].

Правда для русского человека имеет особый смысл, и тому достаточно примеров в нашей истории. Так, Русской Правдой был назван первый свод законов, отражавший коллективные представления людей о справедливом государстве; спустя несколько веков Правдой назвал свой конституционный проект декабрист П. И. Пестель. Ф. М. Достоевский, намереваясь издавать литературный журнал, писал брату: «Что же касается до названия “Правда”, то оно, по-моему, превосходно, удивительно и можно чести приписать выдумку названия. Это прямо в точку. И мысль наиболее подходящую заключает, и к обстоятельствам идет, а главное – в нем есть некоторая наивность, вера...» [17, с. 465].

По В. И. Далю, Правда – это «...истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость» [5]. Похожее определение дает С. И. Ожегов: «...то, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей. Справедливость, честность, правое дело. То же, что правота» [12]. Обоснованием положительного значения слова «правда» приемлемо считать его связь со словом «правый», поскольку в русской культурной традиции добро ассоциировалось с правой стороной, а зло – с левой. Мы находим немало подтверждений этому в народных приметах: войти в дом, одеть и снять обувь, встать с постели нужно с правой ноги; креститься правой рукой, носить обручальное кольцо на правой руке, а сплевывать от дурных знаков – через левое плечо и т.п. Кроме того, по мнению некоторых исследователей, в описании картины мира присутствуют бинарные оппозиции универсального характера, причем считается, что правая часть оппозиции всегда маркирована положительно, а левая – отрицательно [7, с. 118].

Идея Правды всегда была для русского человека выше идеи закона, и римское классическое “*dura lex sed lex*” («закон суров, но это закон») не принималось и не принимается поныне русской душой как абсолютизм. Если в западном правовом менталитете правда отождествляется с идеей закона, то в русской идее Правды отражается теоцентризм и этикоцентризм национальной правовой культуры, непринудительный характер правоуправления, иррациональное восприятие, нравственный идеал и духовная потребность.

Правда – это не законы материального благополучия и внешнего принуждения формального права, а преобладание религиозно-нравственных доминант в мотивациях правового поведения, основанных на вере и духовности. «Русский человек, – писал философ права Н. Н. Алексеев, – с величайшим подъемом ищет правды и хочет государство свое построить как государство правды» [1, с. 69]. Правда в русском правосознании – это наивысшее метафизическое начало, вне воли и желания индивида. Правду русский человек не просто понимает, он ее чувствует.

В русских старинных книгах равнозначно употреблялись «правосудие» и «правдосудие»; своеобразие русского менталитета в части отношения к правосудию проявлялось в ориентировании его «не столько на правосудие, сколько на правдосудие... в России высший ориентир в регулировании отношений между людьми – это правда и справедливость, а высший судья – совесть» [6, с. 323]. Сосредоточением русской философии права феодального периода стал судебник XI века «Русская Правда», органично синтезировавший в себе нравственные и правовые нормы, поднявший вечные темы отношения к праву, закону и праведному суду.

В средневековой Руси практически любой поступок или бездействие человека можно было оценить по критерию «правды – неправды»: Правду можно было дать (принести присягу в суде), взять (в суде по жребию, по воле Божьей), потерять, совершив грехопадение, преступление, но самым важным считалось – жить по Правде, поскольку она Божья заповедь. В понятие «неправедные деяния» мыслители XI-XVI веков включали поступки, нарушающие как нормы права, так и нравственности, противные православной совести, например недоброжелательство, злословие, злорадство и др.

Первым мыслителем, наполнившим в середине XI века термин «правда» юридической характеристикой и нравственной мотивацией, стал митрополит Илларион, утвердивший идею реализации верховной власти на основе закона-правды: князь «правдой обличен, крепостью перепоясан, истиной обут и смыслом венчан» [8, с. 9]. Закон и Благодать Илларионом противопоставляются, и, как он считает, с появлением православия «уже не теснится человечество в Законе, а в Благодати свободно ходит» [16, с. 161]. Бесспорно, Благодать сходна со значением, вкладываемым русским человеком в Правду.

Соотношение Благодати и Правды подчиняется онтологической трактовке и показывает, что Правда для русского человека в результате христианизации становится атрибутом Бога. Примат Благодати над законом характеризует отношение Иллариона к государству. Противопоставляя властно-государственные законы и возможность спасения, Илларион вторит логике Августина Блаженного, дифференцирующего социальную реальность на «град земной» и «град божий».

Отдавали приоритет Правде и русские князья. Так, Владимир Мономах (1053-1125) важнейшую задачу видел в вершении правосудия, основывающегося на Правде. Например, в его «Поучении» (в «Повести временных лет») понятия «правда» и «закон», «неправда» и «беззаконие» – полные синонимы [11, с. 67],

а Александр Невский (1221-1263), подтверждая дуалистичность русской правовой картины мира, провозглашал: «Не в силе Бог, а в Правде» [4, с. 117].

С принятием Судебников 1497 и 1550 годов в юридической и бытовой лексике укрепляется термин «закон» – повелительное правило, содержащее санкцию государства за его неисполнение. К XVI веку русские мыслители привносят новый смысл в категорию Правды, трактуя и понимая ее как организацию общественных отношений на законных основаниях: законность (а значит, праведность) верховной власти; исключение практики внесудебной расправы и вершение правого суда, основанного на идее возмездия, жестокого наказания за неисполнение законных (праведных) государственных предписаний. При этом нравственная составляющая Правды, изначально заложенная в нее, не только не умалется, а напротив, усиливается тем, что «соблюдение правды во всем» и есть высшее назначение справедливого правосудия [14, с. 90]. А ведение правосудия «по правде» в общественном сознании воспринимается одним из основных критериев мудрости правителя.

Относительно Правды в правосудии высказывался еще Аристотель, доказывая, что нравственность и справедливость гораздо шире категории «право», не всегда между ними может быть совпадение «в правде». В частности, по Аристотелю, это несовпадение находит проявление в том, что «охотнее обращаются к суду посредников, чем к суду публичному, потому что посредник заботится о праве, судья – о законе, для того и избретен суд посредников, чтобы могла торжествовать правда» [2, с. 20].

Иосиф Волоцкий (1439-1515) определяет обязанность государственной власти строго соблюдать законы, «в заповедях и правдах ходити», а «неправдой» он называет нарушение правовых и нравственных норм, а также отсутствие правосудия. Он обосновывает необходимость уголовной ответственности и за отступление от православных заповедей, а не только за нарушение законов [13, с. 91]. Подобные взгляды на закон и Правду были и у другого иосифлянина, старца псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофея (1465-1542). Отождествляя мораль и право, он трактует Правду как справедливость, а законом называет государственную волю, которая является всего лишь частью Правды [10, с. 134].

Для нестяжателя, религиозного публициста Максима Грека (1470-1556) Правдой являются все формы деятельности властей по закону, особенно правосудие. В его понимании Правда, прежде всего, в том государстве, в котором «справедливый и немздоимный суд» [9, с. 156]. Похожая позиция прослеживается в трудах боярина, дипломата и публициста Федора Карпова (1470-1545), убежденного в том, что Правда реализуется в правосудии, где должно не только применять закон, но и являть милость, ибо «правда без милости есть мучительство» [Там же, с. 157]. Правду как «правый суд» понимали московский митрополит Макарий (1482-1563) и новгородский богослов XVI века Зиновий Отенский (?-1568). Так, по Зиновию, государь всегда должен поступать по закону, а «выполнение закона царем» заключается в обеспечении справедливого правосудия [Там же, с. 160].

Идею Правды недопустимо рассматривать вне религиозного контекста, что осознавалось русскими мыслителями, неоднократно отмечавшими влияние на православное сознание Ветхого Завета, в котором с Правдой связаны справедливость и правосудие. Например, профессор А. Л. Юрганов указывает, что в Ветхом Завете слово «правда» встречается около трехсот раз, из чего исследователь делает вывод о ветхозаветных корнях русской Правды [19, с. 35]. В русских переводах текстов Священных Писаний слова, суть которых искренность, истинность, справедливость, обозначались словом «правда». Правда, правдолюбие, правдоискательство, праведность для русской ментальности – это не поиск истины в гносеологическом ее понимании; это высшее благо, наполненное божественным содержанием, общественный идеал.

В православии разводятся понятия «Правда Божья» и «Божественная Правда», где Правда Божья определяется как субъективно-внутренняя, а Божественная Правда – как абсолютная. Бог дал человеку законы (заповеди Божьи), предписав ему жить по этим законам, то есть определил парадигму поведения, указав, что есть Правда. Человек идет путем праведной жизни, если соблюдает Божьи законы. Но, создавая человека по образу и подобию своему, Бог даровал ему свободу воли, которая позволяет последнему искать и видеть свою правду, отличную от Божественной. В этом случае правда его не будет истинной, а жизнь праведной. В православной парадигме всегда одна Правда – Божья.

Правда – это беспрекословно соблюдаемый мировой порядок, нарушение которого посягает не только на стабильность общества, но и в конечном итоге – мироздания. Поэтому отчасти объяснима жестокость наказания в русском правосудии, особенно в XVI веке, когда казнь преступника представлялась устранением его из земного бытия как угрозы общественной гармонии, а правосудие воспринималось безусловно праведным. Здесь Правда государственного суда понималась подданными как истинно православная Божественная Правда, которую воплощает на земле помазанник Божий – Царь. С православием в русском правосознании утвердилась идея праведности царской власти как претворения Божьей воли и гаранта стабильности.

В русской православной культуре идея Правды тесно переплетается с идеей святости, укоренение которой происходит в XIV-XVI веках, когда формируется образ «Святая Русь». Именно в этот период поиск русским человеком смысла жизни – жить по правде, по совести и справедливости – приводит к становлению Святой Руси, а идея Правды становится определяющей и центральной по отношению к иным ценностям жизни. Также оформляется и находит теоретическое обоснование русскими мыслителями в начале XVI века идея государства Правды (православного Царства). Так, в концепции «Москва – третий Рим» предполагается примат трансцендентного божественного начала, ради и во имя которого Царем, помазанником Божьим, необходимо организовать земную жизнь.

Л. Н. Гумилев, описывая русскую культуру XVI века, отметил, что вся общественная мысль того периода была, по сути, мыслью церковной. «Вопросы веры, – писал он, – имели огромное значение, ибо форма исповедания отождествлялась с определенным поведением, определенной идеологической программой и легко переходила в политику и быт» [3, с. 202]. Смысл иосифлянского и нестяжательского разногласия заключается в споре о ценностях, где нет борьбы «неправды» с «правдой»; как точно заметил Г. В. Флоровский, здесь пришли к столкновению две Правды [18, с. 22]. В целом период XI-XVI веков русской культуры можно смело назвать эпохой борьбы за Правду.

Тема Правды, несомненно, актуальна для философско-правовой мысли современной России, когда проявляется ущербность узконормативистского подхода в правопонимании и возрастает интерес к религиозно-философским идеям русских мыслителей прошлых веков, затрагивающим нравственно-правовые проблемы правосудия. В сложнейший период развития современного Отечества требуется возрождение в общественном сознании смыслообразующих идей, не раз спасавших Россию в переломные эпохи. Невозможно возродить Россию, игнорируя духовность ее культуры, в основе которой феномен Правды как неоспоримая ценность национальной культуры.

Список литературы

1. **Алексеев Н. Н.** Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 520 с.
2. **Аристотель.** Поэтика. Риторика. М.: Азбука, 2015. 320 с.
3. **Гумилев Л. Н.** От Руси до России. М.: Айрис-пресс, 2003. 318 с.
4. **Даль В. И.** Пословицы и поговорки русского народа. М.: Эксмо, 2007. 640 с.
5. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.299.ru/word.php?id=32024> (дата обращения: 28.09.2016).
6. **Ефимов В. Т.** Введение в этосологию: нравы и нравственность. М.: Москва, 1993. 484 с.
7. **Иванов В. В.** Чёт и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Сов. радио, 1978. 184 с.
8. **Илларион.** Слово о законе и благодати. М.: Скрипторий, 1994. 146 с.
9. **История политических и правовых учений** / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: НОРМА, 1997. 736 с.
10. **История политических учений** / под ред. О. В. Мартышкина. М.: Норма, 2002. 899 с.
11. **Лихачев Д. С.** Повесть временных лет. М.: Олма Медиа Групп, 2015. 304 с.
12. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.299.ru/word.php?id=32024> (дата обращения: 28.09.2016).
13. **Послания Иосифа Волоцкого.** М.: Изд-во АН СССР, 1959. 394 с.
14. **Семигин Ю. Г.** Российские политико-правовые доктрины. М.: Мысль, 2005. 926 с.
15. **Синюков В. Н.** Российская правовая система. Саратов: Полиграфист, 1994. 498 с.
16. **Слово о законе и благодати Иллариона** / пер. с древнерус. В. Я. Дерягин // Альманах библиофила: тысячелетие русской письменной культуры (988-1988) / гл. ред. Е. И. Осетров; сост. П. П. Горелов и В. В. Кожин. М.: Книга, 1989. Вып. 26. С. 155-166.
17. **Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников:** в 2-х т. / сост. и коммент. К. Тюнькина; подготовка текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. 623 с.
18. **Флоровский Г. В.** Пути русского богословия / предисл. протоиерея Иоанна Мейендорфа. Киев: Путь к истине, 1991. 600 с.
19. **Юрганов А. Л.** Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 468 с.

IDEA OF TRUTH IN RUSSIAN JUSTICE AND SOCIAL THOUGHT OF THE XI-XVI CENTURIES

Yashin Anatolii Nikolaevich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Murmansk Academy of Economics and Management
yashin58@mail.ru

The author examines the idea of Truth as a meaning-formative idea in Russian medieval justice, moral ideal and spiritual need representing theo-centricity and ethico-centricity of Russian legal culture in religious and philosophical context from the historical and philosophical viewpoint. According to the researcher, Truth in Russian legal consciousness is not a search for verity in itsgnoseological interpretation but a supreme metaphysical principle, supreme good filled with divine content, social ideal stimulating development of Russian philosophical thought in the XI-XVI centuries.

Key words and phrases: truth; verity; spirituality; grace; state; law; justice; punishment; good.